

АРХИВЫ ДРУЖБЫ

ЮНОШЕЙ Аматауни Барсеяну посещал драматическую студию во Владикавказе. Среди друзей, которые вместе с ним приобщались к тайнству театра, были армяне и русские, грузины и осетины. С детства они легко говорили на языках друг друга. И с тех самых пор, как в них зародилась любовь к искусству, то была любовь к искусству всех кавказских народов — народов-соседей, чьи пути не раз пересекались в истории.

С тех пор Аматауни Барсеяну одинаково дороги Ширванзаде и Коста Хетагуров, Руставели и Саят-Нова. И все-таки душа его грепетала от гордости, когда на одной из городских улиц им встречался высокий, статный старик в безупречной черкеске. Гордон походкой горца проходил он мимо присмиривших студийцев и никогда не оглядывался, хотя и отлично знал, что юноши будут долго смотреть ему вслед — еще бы, ведь это отец самого Вахтангова. И Аматауни ждал, что кто-нибудь из его друзей обязательно скажет: «Да, самый лучший артист, вышедший из нашего города, — армянин». И кто-нибудь из них обязательно восклицал это.

Он уехал в Ростов учиться. Нет, его не покинула любовь к театру. Напротив, он стремился закрепить ее знаниями. Но мог ли он оставаться лишь усердным студентом в городе, где ключом била театральная жизнь, куда на гастроли приезжали лучшие театры Москвы, Ленинграда, вызывая после себя массу творческих споров среди таких же горячих театралов, как он. Усилиями именно этих страстных театралов в Ростове нарождались интересные любительские труппы, открывались новые театры. Среди них был и Армянский музыкально-драматический, сыгравший значительную роль в истории армянского театра. Студент Аматауни Барсеяну был одновременно и журналистом, оперативным и растропным, запальчивым и убежденным. Ростовская газета «Мурч-мангах» («Серп и молот»), выходившая на армянском языке, часто помещала его театральные рецензии и репортажи.

Ростовское радио начало устраивать регулярные передачи на армянском языке, и Аматауни Барсеяну был их организатором, автором, режиссером, а зачастую и исполнителем.

В радиоэчерках журналиста Аматауни Барсеяна об армянской поэзии привлекала не только глубина и тонкость изложения, но и мастерство, с которым автор черков читал стихи армянских поэтов.

Это уже оказалось его жизненным выбором. Создать целую поэтическую сюиту и представить ее людям, оставшись с ними лицом к лицу, заставить их погрузиться в этот поэтический мир и услышать его так, как слышит он, отец Аматауни Барсеяна, — разве это не увлекательная задача? Разве не пригодятся тут его артистичность, о которой столько ему говорили еще его владикавказские педагоги, его филологическая эрудиция, его журналистская целенаправленность?

Театр одного актера. В тридцатые годы этот молодой жанр завоевывал популярность. Аматауни Барсеяну знал многих его мастеров, но двое навсегда остались для него образцами, достойными самого внимательного изучения, — Сурен Кочарян и Владимир Яхочов. Однако не подражать он хотел этим замечательным образцам, он слепо следовать им — он хотел открыть в любимом жанре собственную, никак еще не пройденную дорогу.

И он открыл ее. Это были траграммы, составленные из стихотворений поэтов всех братских рес-

публик СССР. Аматауни Яковлевич Барсеяну читал их по-русски, часто впервые представляя слушателю неизвестное до тех пор в русском переводе произведение. Но обязательно в каждом стихотворении он читал несколько строк на языке подлинника. Чтобы слушатель мог почувствовать оригинальную мелодику произведения, чтобы в едином венке заискрились братские языки советских народов, объединенные связующим всех — русским. Он читал на армянском, грузинском и азербайджанском, на татарском, узбекском, украинском, таджикском и белорусском. Руставели, Саят-Нова, Лахути, Джамбул, Навои, Шевченко — каждый из них словно дарил свои строчки этим вечным поэтической дружбы.

Постоянно обогащая свою программу, Аматауни Яковлевич выступал с нею в Ростове, Москве, Минеральных Водах, Тбилиси, Ереване и во многих других городах. В 1942 году он навсегда переехал в Армению. Он по-прежнему много писал, часто выступал в печати, давал концерты и вел большую организационную работу. По его инициативе в Ереване был создан Дом работников искусств, и Аматауни Яковлевич стал его первым директором. До сегодняшнего дня ведет он здесь большую работу.

Итак, жизнь целеустремленная и яркая, отмеченная энергией и неустанным поиском. Биография человека одаренного и интересного. И, однако, сказанное до сих пор характеризует Аматауни Яковлевича Барсеяна только отчасти. Потому что помимо искусства была у этого человека страсть, которую некоторое время кое-кто также считал причудой. Чтобы рассказать об этой страсти, придется вернуться назад и снова вспомнить то время, когда студент Аматауни Барсеяну сотрудничал в ростовской газете «Мурч мангах».

В один из жарких июльских дней 1928 года Аматауни позвонил в редакцию. Ему ответил нетерпеливый голос:

— Немелленно отправляйся на вокзал, через полчаса будет Горький — проездом.

Аматауни был на вокзате через пятнадцать минут. Он подошел к Горькому раньше других корреспондентов и, вместо того, чтобы залавать ему обычные репортерские вопросы, попросил написать несколько слов об Армении и армянском народе. Горький не отказал молодому человеку в его просьбе, и Аматауни Барсеяну вместо интервью причес в редакцию автограф замечательного писателя.

С тех пор Аматауни Яковлевич при встрече с каждым интересным человеком непременно повторяет просьбу: «Ипполите несколько слов об Армении, об армянском народе». А интересных людей за свою жизнь Аматауни Яковлевич повидать немало. В его альбомах сохранились записи Ипполитова-Иванова, Алексея Толстого, Корнея Чуковского, Леонида Леонова, Дмитрия Шостаковича, Юрия Шапорина и многих, многих других выдающихся деятелей литературы, искусства, науки. В корневых альбомах Аматауни Яковлевича, никогда не менявших своего формата, сохранились уникальные высказывания, которые ранее не встречались, никогда затем не повто-

ренные. Высказывания, сделанные от души, во время непринужденной дружеской беседы, и от этого еще более ценные.

Где бы ни находился Аматауни Яковлевич — на концертах ли, на отдыхе, или в деловой поездке, он никогда не расставался со своими альбомами. Это было, как мы обычно говорим, хобби, но хобби особого рода — связанное со всей деятельностью человека и с его основным образованием. Потому что Аматауни Яковлевич в своем неустанном общении с знакомым ему уже нанзусть записям подходил одновременно как журналист и как исследователь, анализировал мысли, соображения, высказанные различными людьми, и рассказывал на бумаге о том, как появилась та или иная запись. Подулались небольшие и очень теплые новеллы о встречах.

У него живая память человека непосредственного и чуткого, и оттого в воспоминаниях кажутся удивительно свежими все немыслимые подробности и детали. Вот Ипполитов-Иванов, гуляя по ростовскому Нахичевану, делится тем, как маленький ансамбль местных сазандаров помог ему создать «Армянскую увертюру». И вот Алексей Толстой, встретившийся с Аматауни Яковлевичем после его концерта, бережно отодвинув изысканную чашечку с чаем, вспомнил, как Горький отзывался при нем о сказке Туманяна «Масленица»...

В альбомах Аматауни Яковлевича немало и поэтических записей. Среди них экспромты Сергея Михалкова, Константина Фединя, Ноэсифа Ионезилли и многих других советских писателей и поэтов. И вот что интересно — все они написаны на родном языке автора — грузинском и азербайджанском, украинском, эстонском, казахском — почти на всех языках народов нашей необъятной Родины. И все, каждый по-своему, говорят о любви к братскому народу Армении. Вот один из этих экспромтов, написанный Александром Бзыменским:

В сокровищницу ленинской
земли
За эти замечательные годы
Великие свершения внесли
И руки и душа армянского
народа.
Завоевал любовь
бесчисленных сердец
Народ-боец, народ-творец.

У Аматауни Яковлевича впереди еще много работы над его альбомами. Работы, интересной не только для него самого, но и для самого широкого круга читателей, которые, безусловно, с радостью встретят в печати выдержки из альбомов А. Барсеяна, отдельные книжки и разгадки об интересных встречах собеседателя, посвятившего сорок лет жизни этому своему страстному увлечению.

Мы говорим хобби, и под этим часто подразумевается занятие безобидное, способное лишь развлечь человека в часы его досуга и характеризующее его с какой-то стороны. Хобби Аматауни Яковлевича Барсеяна совершенно другого рода. Оставаясь постоянным страстным его жизни, оно обнаруживает его глубокую любовь — горячую любовь к Родине.

Аматауни Яковлевич называет свои альбомы архивами дружбы. И характерно, что именно человек, который представлял слушателю концертные программы, включавшие стихи поэтов многих советских народов, стал собирать это сокровищное признание в искренней дружбе к его родной Армении, народов соседей и братьев, чьи пути навечно пересеклись в истории.

М. ЯХОНТОВА.